

Мне приходилось встречаться с хантами, писать о их жизни и быте в угодах промысла, но никогда не бывал в столице Югории – Ханты-Мансийске. Слово Югория всегда вызывало у меня чувство далёкой, загадочной и неведомой страны. И вот представился случай посетить этот северный край. Валентина Михайловна Самсонова пригласила меня навестить её сына, проживающего в Сургуте.

Самолёт Боинг взлетел из аэропорта Толмачево и взял курс на север. Через час лёта под нами простиралась лесотундра, залитая водой с небольшими островками леса. Озёра и болота занимали большую часть территории. Повсюду виднелись жёлтые площадки, отсыпанные песком, с нефтяными скважинами. К ним подходили узкие полоски дорог. Валентина Михайловна удивилась:

- Здесь нет земли, чтобы посадить самолёт.
- Наверное, нашлась, раз есть аэродром.

Когда самолёт приземлился, мы увидели современный аэропорт с десятками самолётов различных авиакомпаний на лётном поле.

В аэропорту нас встретил сын Валентины Михайловны Анатолий и повез на свой дачный участок. Ехали по прекрасной бетонной дороге. Анатолий предугадал мой вопрос

и стал рассказывать: «Город Сургут, аэропорт, все дороги построены на отсыпном песке».

– Где берутся огромные объёмы песка? – удивился я.

Мне вспомнились дноуглубительные работы на Оби вблизи Новосибирска и караваны барж с песком, отправляемые на север. Эти работы привели к понижению русла реки и ухудшению судоходства.

– Песок добывают со дна близлежащих озёр, – ответил Анатолий.

Заслуживают внимания дачные участки северян. Дома строятся двухэтажные, большие, с северным размахом. На болотистой местности уровень грунтовых вод находится на поверхности почвы. Владельцы участков вынуждены засыпать их песком, торфом и чёрным грунтом, а грядки поднимать ещё выше. После обильного дождя к грядкам можно подойти только в сапогах.

Сосед Анатолия приобрёл два участка. На одном участке экскаватором вырыл глубокий котлован. За счёт вынутого грунта поднял поверхность второго участка. В образовавшийся пруд запустил карасей. Я имел удовольствие посидеть с удочкой на берегу искусственного водоёма.

На следующий день мы отправились знакомиться с Сургутом. Это один из старейших сибирских городов, основанный в 1594 году князем Фёдором Барятинским по поручению царя Фёдора Иоанновича. В считанные недели на правом берегу Оби вырос деревянный рубленый город с двумя воротами и башнями. В нём разместились воеводский двор, пороховой погреб, тюрьма, государевы амбары и церковь. Население составляло 155 служилых людей. Город был построен вблизи хантыйского поселения. Обширная местность этого племени называлась «сургут», что в переводе означало рыбное место. Слово состоит из двух древнеюгорских слов «сор» и «кут».

Слово «сор» переводится как «заливная пойма реки», а слово «кут» означает «рыба».

С восемнадцатого века город был местом политической ссылки. Сюда ссылались участники восстания Степана Разина, декабристы.

В шестидесятые годы прошлого века Сургут стал центром добычи нефти и газа. Сегодня является одним из крупнейших культурных и промышленных центров Ханты-Мансийского автономного округа. Население составляет около трёхсот тысяч человек.

Мы шли по аллее проспекта Ленина, затем по улице Северной. С обеих сторон стояли высотные современные здания. Улица вывела к Сургутскому государственному университету, за которым тянулась набережная. Пройдя приток реки по пешеходному мостику, оказались в парке за рекой Саймой.

Наш приезд в Сургут совпал с празднованием дня города. На набережной за университетом была оборудована временная сцена, по кругу стояли палатки землячеств разных национальностей, проживающих в Сургуте. В них демонстрировались предметы прикладного искусства и национальная одежда. Посетителей угощали традиционными национальными блюдами.

В городе проживает около ста диаспор. К сожалению, самая малая диаспора коренного населения – ханты. Нам встречались в национальных одеждах белорусы, азербайджанцы, татары, башкиры, грузины и другие жители города. Мне хотелось увидеть хантов и поговорить с ними. И вот впереди в толпе мелькнула меховая шапка. «В тёплый день в меховой шапке мог быть только хант», – подумал я, и мы через плотную толпу бросились его догонять.

Валентина Михайловна первой оказалась около него, дотронулась до локтя мужчины и спросила:

– Извините, пожалуйста, можно с вами поговорить?

Перед нами стоял низкорослый мужчина в суконной парке, подпоясанной ремнём из сыромятной кожи. На ремне с правой стороны висел охотничий нож в деревянной ножне. Впереди – небольшой нож в кожаной ножне, рядом в кожаном мешочке точильный камень, сзади – клык медведя, служащий оберегом от злых духов. Меня удивило, что на ногах у него были кеды.

– Конечно, можно, – ответил он.

На округлом лице с правильными чертами промелькнуло удивление. Встретив его в городе на улице, трудно было бы узнать в нём ханта.

– Мы приехали из Новосибирска, – вмешался я в разговор и представился.

– Сергей Васильевич Кечимов, – ответил он.

– Мне хотелось бы поговорить с вами о жизни вашего племени.

– Сегодня нет времени, меня вызвали в город на два дня. Приезжайте в посёлок Рускинские, там поговорим.

– Далеко ехать?

– Четыре часа на автобусе.

– Как вас найти?

– Любой житель покажет, где я живу.

Обходя палатки и знакомясь с национальными кухнями, мы подошли к чуму, накрытому оленьими шкурами. Внутри находились две женщины в национальных одеждах. Их парки были расшиты бисером и цветными кусочками сукна, среди которых преобладал красный цвет. На полу по шкурам ползали ребятишки. Одна женщина вышла нам навстречу с туеском в руках, и, зачерпнув берестяной ложкой морошку, стала угощать. В чуме около входа на берёзовой чурке сидел знакомый нам Сергей Васильевич и маленьким ножом рас-

щеплял корни кедра для плетения корзинки, или мордушки. Он был настолько сосредоточен в своей работе, что даже не поднял на нас глаз. Мы поняли, что всё убранство чума и одежда хозяев – показное для посетителей.

На следующий день мы посетили центральную городскую библиотеку и подарили свои книги. Заведующая библиотекой Галина Николаевна предложила нам провести беседы с двумя классами школьников и группой инвалидов по зрению. К моему удивлению, вечером мне позвонила Лазарева Александра Владимировна – руководитель Сургутского литературного объединения и предложила встретиться. На встрече присутствовало десять человек прозаиков и поэтов Сургута. Встреча прошла интересно и продуктивно. Мы обменялись книгами и адресами.

Через несколько дней мы на маршрутном малолитражном автобусе отправились в Ханты-Мансийск. Бетонная дорога проходила через массивы леса и большие участки болот с низкорослой тундровой растительностью. Постоянно встречались перекрёстки с указанием номеров нефтяных скважин. Вдали виднелись вышки с факелами сжигаемого попутного газа. Навстречу потоком двигались легковые автомашины и гружёные тяжёлые самосвалы. Окружающий пейзаж оставлял неизгладимое впечатление. Шесть часов езды пролетели незаметно. Водитель любезно согласился подвести нас к гостинице.

Мы остановились в гостинице «Хотэм». Хозяйка гостиницы Нина Сергеевна, общительная женщина невысокого роста с обликом хантыйки, пояснила, что слово «хотэм» на её родном языке означает – наш дом. Она имеет высшее медицинское образование. Много лет работала в санэпидемнадзоре, вышла замуж за русского врача Ивана Ивановича. Выйдя на пенсию, вместе с мужем построили на её родовом участке

земли трёхэтажную деревянную гостиницу. Условия проживания отвечают самым высоким современным требованиям.

Хантыйский народ когда-то проживал от Урала до Енисея. В настоящее время ханты проживают в Северо-Западной Сибири на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также на севере Томской области. Исторически они расселены в бассейне реки Оби, от Нарыма до Салехарда, и многочисленным её притокам. Численность населения составляет около 22 тысяч человек.

Хантыйский язык относится к финно-угорской группе. Их ближайшие родственники по языку – манси и венгры. Более отдалённые родственники, говорящие на языке финской группы – эстонцы и финны.

Европейцы в этих краях появились в шестнадцатом веке. На месте современной столицы хантов стояло селение Самарово, названное в честь остяцкого князя Самара. Раньше всех аборигенов севера называли общим словом – остяки. Заселение севера русскими шло разными путями. Численность населения быстро росло. В 1940 году посёлок Самарово переименовали в Ханты-Мансийск, в 1950 году его статус повысили до села, а затем до города.

Ханты-Мансийск произвёл на нас большое впечатление. Это красивый современный город с площадями, парками, музеями и множеством малых архитектурных форм. Архитектура высоких зданий поражает красотой и разнообразием. Наше внимание привлекли Югорский государственный университет, Ханты-мансийская государственная медицинская академия, картинная галерея и другие здания.

Большой интерес у нас вызвал этнографический музей под открытым небом «Турум-Маа», расположенный в живописной сибирской тайге на окраине города. В переводе «Турум-Маа» означает святая земля. Музей воспроизводит

среду обитания коренного населения, исконные постройки жителей: лабазы, глинобитная печь для выпечки хлеба, летнее и зимнее жилище, в которых разместились предметы быта, орудия труда, одежда и украшения.

Меня, как охотника, привлекла «Охотничья тропа» – путик, проложенная по пересечённой местности. На ней выставлены различные виды капканов и ловушек для охоты на крупного и мелкого зверя.

В стороне находилось святилище с деревянными идолами.

Согласно древним верованиям хантов, мир населён духами и сверхъестественными существами, к которым относились явления природы. Они поклонялись хозяевам леса, воды, хозяевам верхнего и нижнего миров. С приходом в Сибирь русских ханты приняли христианство, сохранив многие свои традиции и мифы.

После знакомства с достопримечательностями города я посетовал Нине Сергеевне:

– За весь день хождения по городу не встретил ни одного ханта. Мне очень хотелось увидеть их в национальной одежде.

Она рассмеялась и, чтобы не обидеть меня, стала рассказывать:

– В городе проживает восемьдесят тысяч человек, из них ханты составляют около четырёх процентов. С развитием нефтегазовых промыслов к нам приехали специалисты многих национальностей. Никто не носит свою национальную одежду. Я её даже не имею. Если желаете встретиться и поговорить с моим народом, поезжайте в поселок Кышик. Мы считаем его своей столицей.

– Как нам попасть в Кышик?

– Расстояние всего восемьдесят километров, но попасть туда можно только по воде. Каждое утро из речного порта уходит катер.

Предложение оказалось очень заманчивым, хотя и рискованным. У нас оставалось трое суток до отлёта самолета из Сургута в Новосибирск. Можно было сутки провести в хантыйском посёлке, за следующие сутки добраться до Сургута и на третий день утром улететь домой.

Дорога в речной порт шла вдоль Иртыша. Неожиданно у подножия горы и на склоне мы увидели табуны доисторических животных. Я попросил водителя такси остановить машину. Перед нами в лучах яркого северного солнца стояли скульптурные группы мамонтов, волчья стая, первобытные бизоны, шерстистые носороги, пещерные медведи и львы, большерогие олени и другие животные. Немного в стороне разместилась стоянка первобытного человека. Со слов водителя в Археологическом парке стоят скульптуры животных, останки которых находили на территории Югории. Кости мамонтов нашли недалеко от этого места.

Катер на воздушной подушке отошёл от причала в Ханты-Мансийске и помчался вниз по Иртышу. Два мотора, расположенные над кормой, как у аэросаней, гудели с такой силой, что приходилось наклоняться к собеседнику, чтобы слышать его речь. При впадении Иртыша в Обь на воде стояла плавающая часовня с куполом и крестом. Здесь отчётливо виделось слияние голубой воды Иртыша с мутной водой Оби.

Северный ветер гнал волны по Оби против течения. Катер затрясло как на стиральной доске. Капитан повернул судно к берегу, и оно помчалось по залитым весенним паводком лугам и островам. Из воды росла густая зелень. На большой скорости трудно было определить камыш это или осока. Складывалось впечатление, что мы не плывём, а едем по зелёному лугу. Через сорок километров Обь делает петлю, волнение стихло, катер пересёк русло к правому берегу и вошёл в устье реки Назым. Её левый берег низкий, болотистый

с типичной тундровой растительностью. Правый – высокий, холмистый, покрытый хвойным лесом.

В кубрике против меня за столом сидела женщина пенсионного возраста с девочкой. Я обратился к ней:

– Скажите, пожалуйста, далеко ещё до Кышика?

– Сорок километров. Вы к кому едете?

– Ни к кому. Хочу посмотреть посёлок, поговорить с людьми.

– Обратно вы можете уехать только завтра, если придёт катер.

– У меня на него взят билет. Почему он может не прийти?

– В штормовую погоду рейс отменяется.

В мою душу вкралось беспокойство. Перспектива остаться здесь на несколько дней и пропустить рейс самолёта, на который куплен билет, меня не устраивала.

– Где вы думаете ночевать? – спросила меня незнакомка.

– Стоят белые ночи, на улице теплынь, разведу в лесу костёр и прокоротаю до утра, – пошутил я.

– Этого делать не следует, – серьёзно или в шутку произнесла она, – можете поджечь лес, а следом сгорит посёлок. Я устрою вас в дом Ветеранов на ночлег.

– Спасибо. Скажите, как вас звать?

– Зинаида Николаевна.

– Очень приятно, теперь у меня есть знакомый человек в посёлке, – произнёс я и представился.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Зинаиду Николаевну.

– Я пенсионерка. Работы хватает по домашнему хозяйству. Ездил к сыну в Ханты-Мансийск за внучкой.

– Чем занимается муж?

– Он профессиональный охотник, имел свой промысловый участок. С ликвидацией госпромхоза и снижением спроса на пушнину, занялся рыбалкой, создал частное предприятие, рыбу сдаёт на рыбозавод.

– Оправдывается такая предпринимательская деятельность?

– Судите сами. В прошедший сезон сдал сорок тонн рыбы.

– Как вы попали в эти края.

– Предки в тридцатых годах прошлого века искали лучшей доли. Дошли до устья Назыма, перезимовали в землянках. Затем поселились в Кышике.

Катер подходил к посёлку. В глаза бросился бесконечный ряд дюралевых лодок с подвесными моторами, стоящих на воде вдоль берега. Капитан осторожно выехал воздушной подушкой на отмель, матрос спустил трап, и пассажиры вышли на невысокий берег. Вдоль реки тянулась насыпь, отсыпанная из песка и щебня, защищающая посёлок от подтопления при паводках.

Зинаиду Николаевну встретил муж на пикапе. Она представила ему нас. Мы поздоровались. Он назвался Николаем Петровичем.

Пикап медленно катил по улице посёлка мимо добротных деревянных домов. Почти у каждого дома или во дворе стояли машины. Жители предпочитали вездеходы. Можно было видеть старенькие ГАЗики, УАЗы и полноприводные машины иностранных марок. Я спросил у Николая Петровича:

– Почему с лодок не убирают моторы?

– У нас нет воровства.

– Куда можно уехать из посёлка на машине? – задал я очередной вопрос, надеясь побывать в стойбище хантов.

– На машине дальше посёлка не уедешь. На промысловые участки и в стойбища можно проехать только на лодке.

– Зачем же тогда у каждого дома стоят машины?

– С наступлением зимы начинается езда на машинах по зимнику к местам рыбалки и охоты.

Машина остановилась около небольшого деревянного домика на окраине посёлка. Зинаида Николаевна нашла ключ,

спрятанный в известном ей месте, и, открыв дверь, пригласила внутрь. В обширном зале стояли кресла и стулья, на полу раскинулся ковёр. В соседней комнате меня привлёк баян. Перехватив мой взгляд, Зинаида Николаевна пояснила:

– Здесь проходят репетиции нашего хора.

Затем добавила:

– Располагайтесь на диване, я принесу постельное бельё.

Вечером приглашаю в гости, муж сможет много рассказать вам об охоте и рыбалке в наших краях. Знакомство с посёлком советую начать с поселкового Совета. Там посоветуют с кем из охотников можно пообщаться.

Мы шли по деревянному тротуару под жаркими лучами обеденного солнца. Рядом с тротуаром зеленела низкорослая трава. Поздняя весна задержала её рост. Она спешила вырасти за короткое солнечное лето.

Посёлок напоминал селения Заполярья: по всем улицам проложены деревянные тротуары, от которых идут дощатые тротуары во дворы добротных домов. Больше всего меня удивили встречные жители. Они сохранили старинный обычай здороваться с незнакомым человеком. Все встречные взрослые и дети здоровались с нами. Я перехватил их инициативу и стал здороваться первым.

Вечером Зинаида Николаевна пришла к нам и пригласила в гости. Дом Тимонюк стоит на улице Береговой, огород протянулся до реки. Во дворе выстроены добротные постройки. На берегу у воды лежала дюралевая лодка. «Очень удобно после рыбалки причаливать во дворе», – подумал я.

Нас угощали жареной рыбой, отварной рассыпчатой картошкой и разными соленьями. К чаю была выпечка, варенье из черники и мороженая клюква. «Только в русской глубинке так желанно могут встречать незнакомых людей», – думал я, запивая чаем холодную сочную клюкву.

Разговор шёл о рыбалке, охоте и о жизни в этом далёком от цивилизации крае. Я подарил Николаю Петровичу книгу «В Туруханской тайге». Он открыл книгу и попал на страницы рассказа «Два Михаила». Он прочитал несколько строчек и, оторвав глаза от книги, произнёс:

– В последнее время у нас медведей стало больше, перестали людей бояться, часто пакостят в угодьях.

– Расскажите какой-нибудь интересный случай, – вмешалась в разговор Валентина Михайловна.

– С распадом госпромхоза я перестал заниматься промыслом. Все случаи встречи с медведями давно были, про себя не люблю рассказывать, – пытался уйти от ответа Николай Петрович.

– Неужели не помните ни одного интересного случая? – удивилась Валентина Михайловна.

– Расскажу я вам лучше про своего приятеля.

Владимир Степанович построил вторую избушку на своём промысловом участке. Не думал охотник, что его соседство не понравится медведю, который многие годы считал себя единственным хозяином этой местности.

Поехал он весной на рыбалку. Вода в реке высокая, из воды торчат только верхушки кустов тальника. С плёса постоянно поднимались табунки уток, они ещё не выбрали место для гнездования. Владимир Степанович весной никогда уток не стреляет, чтобы не загубить самочку. Против зимовья заглушил мотор, подвёл лодку к берегу и привязал к дереву, росшему около воды. Поднялся по косогору к избушке и видит: замок сломан, дверь выломана. Внутри все вещи разбросаны, стол и печь повалены, продукты съедены. Обругал медведя последними словами, навёл порядок, а уезжая, забил дверь длинными гвоздями, оставив шляпки так, чтобы можно было выдергой легко вытащить.

Летом, наведавшись в избушку, обнаружил разбитое окно, на земле валялись стёкла и поломанные рамы. В избушке разгром, маслянистые следы зверя. Он изгрыз бутылку подсолнечного масла.

«Ну, зверюга, ты у меня получишь по заслугам при встрече», – вслух произнёс охотник.

Осенью Владимир Степанович приехал в зимовье заготовить дрова на зиму. Собак с собой не взял, чтобы не ушли за зверем. Пилил дрова до позднего вечера, поужинал и улёгся спать.

В это время хозяин тайги обходил свои владения по берегу реки. Обнаружив лодку, обнюхал её и по следу человека подошёл к избушке.

Владимир Степанович услышал шум шагов, соскочил с постели и выглянул в окно. Увидел крупного медведя с огромной головой. Зажёг керосиновую лампу, схватил ружьё и встал в угол, приготовившись стрелять, если зверь появится в двери. Миша не ломал дверь, он обходил избушку, шурша сухой листвой. Владимир Степанович приоткрыл дверь и выстрелил вверх. Его охватило неприятное чувство боязни зверя. Он не знал: убежал зверь или нет. До утра не спал и не гасил огонь.

Медведь три года ломал дверь в избушке, давая понять охотнику, чтобы уходил из его владений. Зверя поймали в петлю охотники на соседнем промысловом участке, проказы прекратились, и Владимир Степанович спокойно продолжал охотиться.

– Коля! – обратилась Зинаида Николаевна к мужу. – Расскажи о встрече с медведем на чернике.

– Хорошее место для посёлка Кышик выбрали ханты, – начал рассказывать Николай. – В окрестностях растёт всевозможная ягода. Первой собирают морошку, затем чернику и голубику, позже бруснику и клюкву.

Зинаида уговорила меня сходить за черникой. К нам присоединилась её подруга Тася.

Я с детства знал все ягодные места и привёл женщин на поляну, покрытую расписным ковром из ягод. Дело спорилось быстро, вскоре вёдра были почти полными, и компания решила позавтракать. Развели маленький костёр, приготовили чай и разогрели мясные консервы. После завтрака я закурил, а женщины пошли за кусты по надобности. Каким-то чувством по интуиции почувствовал за спиной что-то неладное. Оглянулся и увидел метрах в пятидесяти идёт к нам чёрный небольшой медведь. Закричал во всё горло. Медведь продолжал идти. Крикнул второй раз. Медведь остановился.

– Зачем кричишь? – раздался из кустов голос Зины.

– Медведь!

– Не ври!

– Быстро идите сюда!

Женщины вернулись и видят: недалеко стоит медведь и смотрит на людей немигающими глазами. Зина начала стучать в ведро, а подруга бегать вокруг деревьев, выбирая ствол, по которому можно забраться.

– Подбросьте веток в костёр, – сказал женщинам, а сам достал из кармана перочинный нож.

Очень пожалел, что не взял с собой ружьё. Небольшой костёр не испугал зверя. Он продолжал стоять и смотреть на людей.

– Гасите костёр, – скомандовал, – будем потихоньку уходить.

Когда отошли на приличное расстояние, Зина спросила:

– Зачем медведь пришёл к нам, ему разве мало ягод вокруг?

– Его привлёк запах консервов. Видимо, он уже облизывал банки, брошенные в лесу.

Наш разговор длился до позднего вечера. Утром за час до прихода катера мы отправились на «причал». Стояла

удивительная сельская тишина. Жители ещё спокойно спали в своих домах, на улице ни одного пешехода, ни одного звука. Даже собаки не лаяли на нас. На береговой отмели по-прежнему стояли рыбацкие лодки. Видимо, сезон ловли рыбы уже прошёл.

Назым вольготно раскинулся между берегами и спокойно нёс свои воды в Обь. По воде медленно плыла потерянная кем-то дощечка. Из-за сопки, покрытой хвойным лесом, на противоположном берегу реки поднималось солнце, предвещающая хорошую погоду.

Меня не покидало чувство, что мы находимся в тайге, вдали от цивилизации, и единственная ниточка, связывающая нас с Ханты-Мансийском, из-за плохой погоды может порваться. Только когда из-за мыса на реке на большой скорости выскочила «Подушка», успокоился.

